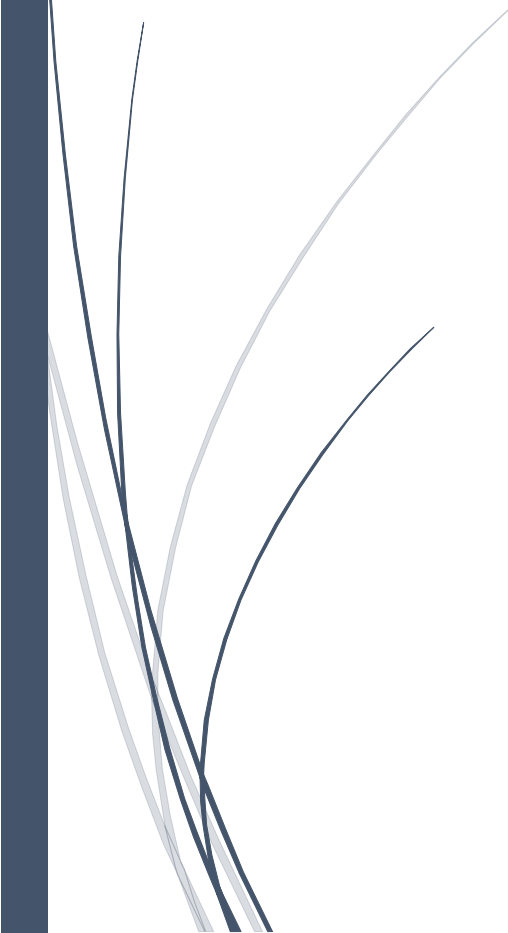

Человеческий фактор

Внутришкольное издательство
«Наш дом»

Отголоски лета.

(ЛПУ «Полесье» Пензенская область. Сердобск)

Я сидел в библиотеке, восстанавливая сонет, сочинённый мной из первых строк сонетов У. Шекспира (перевод Маршака). В библиотеку вошёл человек, я был слишком погружён в своё занятие и не обратил на него внимание, автоматически отметив, что кто-то вошёл. Умиротворённая обстановка вскоре сменилось оглушающим шумом, я вышел в коридор, заметил удаляющийся силуэт и догадался, что это тот самый человек, который недавно посетил библиотеку. Он вышел не придержав дверь, её хлопок был как выстрел. Его фигура с низко опущенной головой продолжала медленно удаляться, приостановившись человек развернулся и я заметил в его руках книгу – парнишка был увлечён чтением. Он был мне знаком и вызывал во мне интерес.

- Что читаешь? – окликнул я его.

- Божественная комедия Данте...

Мы спустились в холл первого этажа и продолжили разговор. Честно сказать, на его фоне я смотрелся неестественно, так как мой знакомый оказался профессиональным переводчиком с английского языка. Из нашей беседы я узнал, что он может читать Шекспира в оригинале. Его звали Алексей, но представлялся как Алекс.

- Иностранцам трудно выговаривать Алексей – объяснил он.

Когда я познакомил его со своей компанией, я боялся того, что он станет белой вороной. Напрасно, Алекс оказался очень вежливым и тактичным, наши интересы совпадали с его интересами и наоборот. Он прекрасно знал, как вести себя в той или иной ситуации и поэтому смотрелся одинаково хорошо и за книгой и за игрой в карты.

Женя, мой давний друг, был хорошо знаком с Артёмом. С Тёмой я встретился случайно. Мы не виделись около семи лет (Пятигорск 2000год), но он к счастью мало изменился и оставался одним из тех, о которых говорят: «Весёлый и находчивый». Его отец чемпион по Греко – Римской борьбе, Артём также увлекался борьбой, так что вопрос об основном занятии Артёма отпадал сам собой. Женя, под стать Артему, весёлый малый спортивного вида, живой и остроумный с очень доброй душой, которую скрывал под маской «ухарского парня». Таким был наш квартет, в общей компании.

Если Артёма и Женю с лёгкостью можно назвать весельчаками, то Алекс в нашей компании исполнял роль «стоп крана», который останавливал «веселье» в случае «заноса». Нет, я вовсе не хочу сказать,

что Алекс не любил пошутить, просто он, как более взрослый, а может более уравновешенный, знал чувство меры.

Я был неким связующим звеном, между «молодой» частью нашего коллектива – Лешей, его другом Сергеем и «старичками». Им было интересно общаться с нами, да и потом, младшие всегда тянутся к старшим товарищам.

Была в нашем коллективе и прекрасная часть человечества, которая сдерживала нашу мужскую компанию. Девушек звали Марина и Катя. Присоединялись они только вечером, когда мы гуляли или играли в карты. Игра в карты – особый ритуал. Просто мы, как «белые люди» могли играть допоздна, тем более что делать по вечерам особо нечего, да и спать не хотелось.

- Да, круто мы Илюшу раскатали, - сказал Артём.

- Ты просто красавчик! - ответил я.

- Мальчишки, на вас плохо влияет второй корпус, вы сегодня не в себе. – Прервали нас девчонки. Нам действительно было в тот момент не до игры, а начиналось всё так.

***

В первый день, как и положено в санатории (да и вообще где либо) я осваивался, узнавал новых людей, стараясь не выделяться. Идя по первому этажу, я заметил объявление, о самодеятельном концерте. В тот момент мне пришла в голову мысль: «Почему бы мне не принять в нём участие». Я подошёл к руководителю и изъясил своё желание. Не проблема. И вот я уже стою на сцене, представленный как отдыхающий из Астрахани, читаю о любви. Волновался ли я? Конечно. Но желание показать себя взяло вверх над волнением. Все прошло лучше, чем я ожидал.

Вечером этого же дня ко мне подошла симпатичная девушка:

- Извини, это ты читал стихи!? – спросила она с некоторым волнением.

Я не на шутку растерялся. Девушка была очень привлекательная и меня почему-то очень взволновал этот вопрос.

- Если не возражаешь, приходи завтра в три, во второй корпус, палата №2.

Не дожидаясь ответа, девушка побежала вниз по лестнице. Начало прямо скажем интригующее. Эту девушку я уже встречал.

В голове сумбурным потоком полились мысли о вчерашнем разговоре с Алексом. Всё выглядело, как в начале хорошего произведения. Дождь выстукивает печальную, но пока ещё летнюю дробь, двое парней ведут незатейливый разговор:

- Хорошие здесь места! Состарюсь, приеду жить, мемуары писать буду.

- Надеюсь, будет о чем.

- Как я был молод, писал стихи красивым девушкам. Мой дядя говорит, что красивая девушка – чужая девушка. Не всегда, разглядишь истинную красоту. Посмотри на девушек, стоящих напротив и выбери любую.

Я поднял голову и замер. Передо мной стояла очаровательная пара. Одна девушка оживленно о чем-то говорила другой, но та только делала вид, что внимательно слушала, на самом же деле её беспокоила некая серьезная мысль. Её глаза жили своей жизнью, руки не находили себе места, ее длинные аккуратные пальцы нервно шевелились, как будто их владелица, что-то высчитывала.

- Как ты думаешь, где сейчас её мысли? – спросил Алекс.

- Не знаю, – ответил я, продолжая любоваться незнакомкой, которая озабоченно посмотрела на часы и, попрощавшись с подругой, сказала, что её ждут срочные дела. Через несколько мгновений её красивая фигурка растворилась в дверном проеме одного из жилых корпусов.

Алекс как бы очнулся и продолжил разговор.

- Я тоже не знаю, – сказал он, прервав мои размышления – но твоя задача обратить её мысли и переживания исключительно на себя, иначе получится так, как говорил мой дядя.

Это было вчера. А сегодня я стоял на лестничной площадке, и в голове беспорядочно-бурным потоком металась лишь одна мысль «зацепило». Что за словечко, но я действительно, как будто споткнулся. Целый день после процедур, а потом и вечер, я слонялся по пустынным и от того мрачным коридорам санатория. Но тут уж как говорится: Думай, не думай, сто рублей – не деньги, вот только как себя повести, о чем говорить? Одно было точно, надо держаться естественно.

***

- Сережа, сдавай быстрее! – Торопил Артем, нервно хрустя пальцами. Сергей вопреки его просьбе не спешил и медленно выкладывал на стол карту за картой, ему хотелось показать важность своего положения, выражаясь на сленге - «повыпендриваться». Все понимали, что Сергей раззадоривает Артёма.

- Зачем, тебе вообще играть? – иронично сказал Женя, обращаясь к Артему, под всеобщий хохот. Сергей хотел добавить что-то колкое, но строгий взор Алекса не дал ему этого сделать.

Наконец, началась игра. Когда я взял карты, обнаружил лишь черви и одну крестовую десятку. (По правилам игры, если у игрока пять карт одной масти, следует пересдача). Но я не хотел, что бы Артем вновь ломал пальцы. Алекс сразу понял, что-то здесь не то, и кинулся мне помогать, по негласной договоренности он всегда был моим соседом. Но все его усилия оказались тщетными, я слил партию.

- Сегодня не твой день, – сказал младший Алексей.
- В карты мне сегодня не везет! – ответил я, с улыбкой перебрав колоду, точным броском вернув ее на стол.

Без пяти три я уже стоял у двери второго корпуса, которая была заперта. Раздался ритмичный стук, после чего вышел молодой человек, лет двадцати пяти, «искрящейся» наружности. Он поправил рыжую шевелюру и задал вопрос:

- Что Вам нужно?
- Извините, как Вас по имени отчеству? – спросил я. Мне необходимо было оценить и взвесить стоит ли продолжать диалог.
- Иван Николаевич – серьёзно представился он.
- Иван Николаевич, мне нужно попасть внутрь.
- Нельзя – «Тихий час».
- Он останется тихим - уверил я его.
- Небось, к девушкам, – констатировал рыжий, на что я выразительно и просяще кивнул, – ладно, проходи, - снисходительно ответил он и улыбнулся, после чего заветная дверь закрылась с нужной стороны. Так я познакомился с еще одним хорошим человеком.

Оказавшись в узком коридоре, я увидел яркую надпись на английском: «Войти сюда».

- Здравствуйте, пришел, как договаривались, – сказал я весьма спокойным баритоном, что бы скрыть некоторое волнение.
- Садись, гостем будешь, – ответила незнакомка. Глаза девушек находящихся в комнате, устремились на меня от этого захватывало дух. Некоторое время они внимательно меня изучали как насекомое под микроскопом. Я замечал только один, той, которая пригласила меня. Вдумчивые, голубовато-серые глаза, они разговаривали со мной, с некоторым нетерпением: «Кто ты? Какой ты? Мне хочется тебя узнать». Взгляд был зовущим и располагающим. Всё это длилось минуты две, но они мне показались вечностью. До меня вдруг дошло, что если бы не правила этикета я бы долго мог так молча разговаривать.

Я представился, рассказал им все, что можно узнать о человеке при первой встрече. Разговор проходил оживлённо и весело, но я все же не спешил открываться, хотел заинтересовать и без того внимательных собеседниц. Во время беседы девушка дала мне затейливо разрисованную тетрадь, я понял, что это дневник. Она просто и мило попросила написать что-либо про любовь. Сказано – сделано. И вот на белом пространстве в клеточку ровным почерком красуется «Безответная любовь». Вслед за ней потянулись и другие руки, доверяя мне нечто личное, что бы я оставил след гелиевой ручки в их жизненных архивах. Так прошло время, отведенное мне «тихим

часом» и судьбой, которую олицетворял добродушный рыжий Иван Николаевич.

К себе в корпус я пришел окрылённым, голова слегка кружилась, в ней роились воспоминания прошедшего события. Увидев, как я открываю дверь своей палаты, Артем спросил, где я был, на что получил краткий ответ: «Второй корпус». На его лице отразилось удивление:

- Как ты туда пробрался? Туда не пускают ни одного человека с нашего корпуса?

Я загадочно ответил, что попасть во второй корпус мне помог «золотой человек». Остаток дня прошёл в дружеских беседах, которые отвлекли меня от дневных приключений.

Забегая вперёд можно сказать, что эта первая юношеская влюблённость оставила неизгладимый след в моей жизни, она меня несколько изменила.

***

Дни утекали, как бурный поток в водопаде, воды которого что-то стирали из памяти, что-то оставляли яркими радужными брызгами. В памяти сохранился день поездки в усадьбу М. Ю. Лермонтова «Тарханы», которая находилась в селе Никольское.

Солнце слепило глаза яркими утренними лучами. Грозди рябин, что стояли, плотно прилегая к фасадам домов, при движении автобуса казались сплошным красным ковром, от которого кружилась голова. Впереди бежала серая шоссейная лента, унося наш экскурсионный автобус. Рябиновый ковер по бокам, сменился чередой прекрасных загородных пейзажей, коих я прежде никогда не видел и поэтому, моё воображение жадно схватывало все, что преподносил дальнейший путь. Холмистые луга, проглядывающие сквозь могучие стволы деревьев, листвой, которых лениво играл летний ветерок, необъятный зелёный простор, что вряд ли можно себе представить. Среди этой природной красоты невольно начинаешь понимать, откуда появились эти строки:

«Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира муз и граций».
М.Ю.Лермонтов.

Был отличный солнечный день, жара не допекала, поэтому идти было легко. Первое, что нас встретило – это была мельница необычная для нас – людей степных, я внимательно её осмотрел, сфотографировал на память. Пока шли до усадьбы, я особо не слушал экскурсовода, а просто любовался окрестностями, и было чем, хотя бы удивительной запрудой с дикими гусями, сделанной прадедом М.Ю.Лермонтова.

Вот и барский дом. В нем двенадцать комнат. Больше всего запомнилась комната, в которой Лермонтов учился, познал пять языков: латынь, немецкий, французский, русский, английский. На последнем он не разговаривал, хотя и неплохо читал.

В комнате были созданы все условия, для обучения, от расстановки мебели до освещения. На стене перед столом висит карта Российской империи, которую с топографической точностью рисовал сам Михаил Юрьевич. Он мог бы стать талантливым живописцем, об этом говорят некоторые картины, его письма, находящиеся в музее.

Удивила и восхитила меня тонкая вышивка из венецианского бисера, выполненная крепостными крестьянками. Через три года, такой работы они слепли, потому что венецианский бисер надевали на конский волос, бисер был очень тонок и мал.

Будучи ребёнком, будущий писатель, поэт, пользовался большим вниманием у крепостных девушек, они рассказывали ему сказки, предания. Некоторые эпизоды из жизни крепостных крестьянок впоследствии легли в основу произведений Михаила Юрьевича Лермонтова. В бывшей комнате прислуги, ныне располагается экспозиция прачечной восемнадцатого века.

Гостиная являлась комнатой, куда в детстве к Михаилу Юрьевичу приходили скоморохи и устраивали представления, праздники. В гостиной стоит фортепьяно, может быть, на таком играла мама Лермонтова. Пол в гостиной был выстлан солдатским сукном, это было сделано потому, что Мишенька почти до четырех лет не мог ходить. Как известно, бабушка делала все, что бы поставить его на ноги: возила его на Кавказ-к минеральным источникам, подвергала изнурительным диетам.

Над старинным диваном висят портреты знатных людей, которые были частыми гостями в доме Арсеньевой – бабушки Лермонтова. Среди них был знаменитый Столыпин.

Много воды утекло с тех пор, двести лет, но кажется, что через несколько минут сам Михаил Лермонтов спустится по очень крутой деревянной лестнице безмятежным неторопливым шагом и скажет: «Ну что же вы стоите, пройдемте в мой рабочий кабинет». Хотя вряд ли он мог бы пригласить экскурсию в свой рабочий кабинет, так как

поговаривали, что у классика был весьма скверный характер, друзей у него почти не было, Однако я думаю, такому человеку прощается все.

В рабочем кабинете писателя собраны его личные вещи, среди которых есть курительная трубка, рукоять кинжала, с которым он воевал на Кавказе. Шкатулка, что была при нем в любой дороге, вероятно в ней хранились письма и деловые бумаги, как например копия письма Арсеньевой, отказавшей отцу поэта встречаться с ним до восемнадцатилетия. Все это лежит на столе, с отделкой из ажурной резьбы. Вот письма с Кавказа, написанные самим Лермонтовым – бабушка их очень ждала и перечитывала по несколько раз. В одном из таких писем Лермонтов спрашивал совета: публиковать ли поэму «Хаджи-Абрек». На что бабушка, прочитав письмо, ответила утвердительно.

Эта книга привлекла мое внимание, и я для себя решил обязательно подержать её в руках. Вопреки тому, что вещи трогать было запрещено, я все-таки спросил разрешения у экскурсовода посмотреть книгу. В этот момент я думал об одном: вероятно эту книгу держал сам поэт. Можете себе представить моё состояние, мой восторг, в тот момент, когда я, получив разрешения, подошел к столу и коснулся листов книги, читая некоторые фрагменты я чувствовал благоговейный трепет. Язык был трудный, но я вполне понимал написанное и думал, как расскажу об этом своим родным, друзьям, знакомым и наставникам.

В одной из спален тархановской усадьбы на центральном месте висит картина с точно подмеченным изображением типично кавказского пейзажа. Это картина кисти самого русского поэта, писателя М.Ю. Лермонтова, подаренная им своей бабушке. Арсеньева очень гордилась этой картиной внука. Она показывала её всем, кто бывал в Тарханах.

Бабушка была верующим человеком. Когда сгорел первый барский дом, она посчитала его проклятым, так как в нем было много несчастий. Чтобы освятить это место, она велела построить часовню Марии Египетской - покровительнице их рода. Из старого дома был вынесен только комод с зеркалом, который сейчас стоит в кабинете Лермонтова- это память о матери. А что же касается Марии Египетской, то в народе говорят, что она была большой грешницей, но после принятия монашества вымолила прощение у Господа. Я долго думал над этим, когда поднимался по ступенькам этой часовни – Бог прощает многое за смирение и усердие. Войдя в часовню, встав под белый купол храма, я долго стоял и думал о чем-то светлом. Позже я узнал, что службу в часовне возобновят, было жалко, что я этого не увижу.

Тепло летнего дня вступило в свои права, когда мы подошли к крестьянской избе – в ней жили те крестьяне, которые работали по хозяйству и на конюшнях, а также ключница и конторщик. В прихожей стоял витраж с осколками барской фарфоровой посуды. Именно за расколотый барский фарфор крестьян отправляли на конюшню. В комнате стояли стол, лавка и огромная печь. Обычно она занимала половину комнаты и служила для многих целей. Например, в печи мылись, спали на печи, готовили, стирали, обогревались. Старшие спали на печи, подростки на лавках. Детям не делали поблажек, вставали они вместе с взрослыми. С пяти утра вместе с мужиками растапливали печь.

Иерархия соблюдалась во всем, в том числе и за столом. На лавке сидели по старшинству. Женщины ели последними, никогда не сидели за одним столом с мужчинами. Чаще всего женщины собирались за столом в красном углу для рукоделия. Возле стола находилась люлька, детский рожок, в отличие от барского позолоченного, сделан из кости.

Обязательным предметом в комнате являлось веретено. Женщинам приходилось ткать, обшивать, смотреть за птицей и скотиной, готовить, убирать, стирать, нянчить детей. В комнате от печи до самой колыбели висели пучки каких-то трав, символизирующие дорогу души младенца в наш мир, как отголосок древних верований.

На полке, висевшей справа от выхода, лежал странный предмет – большие щипцы для колки сахара. Сахар был особой ценностью, его колола только сама ключница и держала его под замком, дабы не вводить крестьян в искушение.

В остальные комнаты нас не пустили, так как там готовился свадебный обряд по старым обычаям.

По вымощенным тропинкам мы пришли к людской избе, которая являлась рабочим помещением ткачей. Людская изба была восстановлена по традициям архитектуры того времени, но оригиналы чертежей не сохранились. Я видел такие вещи как старинные ткацкие станки, платья, ружья, лафет, обрывки знамени с Бородинского сражения и многие другие предметы того времени. Но все же больше привлекали, обогащали знанием рукописные свидетельства того века: рукопись повести «Азамат», иск на имя Парамонова, а это значит, что повесть «О купце Калашникове» основана на реальных событиях.

Раньше, читая Лермонтова, я только начинал открывать его для себя. Но после поездки в усадьбу «Тарханы», я оценил величину его творчества, его гения сполна. Я по-другому стал видеть его произведения, размышлять о нем как о человеке, как о личности. В заключении я хочу сказать: читайте Лермонтова, любите Лермонтова, учите Лермонтова!

***

После поездки, я был окрылён. Рассказать, рассказать обо всём ей. Второй корпус, я говорю, говорю, впечатления так и рвутся наружу, она внимательно слушает, закончив с глубоким выдохом я беру знакомую разрисованную тетрадь и переписываю в неё стихи по памяти. Тишина. Она может сказать больше тысяч слов, которые сейчас не нужны. Волнение, радость, ожидание.

- Ты другой, - прозвучал её нежный голос.

Я это чувствовал, но и её голос был другим-серьёзным. От этого стало немного не по себе, учащённо забилося сердце.

-Когда тебя нет, я чувствую пустоту! Почему так, что случилось? Останься со мной!

К моему загорелому плечу прикоснулась её прохладная рука. Я вздрогнул, перехватило дыхание. (Даже теперь, когда я всё вспоминаю прихожу в волнение.) От неожиданности ручка легла на стол сама с собой, не дописав последней строки в её дневник. Я посмотрел в её глаза в них была тоска, грусть и укор, обида. Нет, не может быть. Губы выговорили сами собой:

-Ревнуешь?! Я не предавал тебя.

В голове сразу стало пусто, навалилась какая-то тоска, усталость. Как я вышел из комнаты я не помню, хотелось остаться одному, хотелось уснуть .

У дверей нашей комнаты я столкнулся с Артёмом

- Какие люди! Где тебя носит?

Обратив внимание на моё состояние, он спросил:

- Чего такой, сам не свой, помочь чем?

- Придуши, - ответил я, открывая дверь.

- Ясно, - произнес Тёма и удалился, поняв, что я хочу побыть наедине.

В голове стучало:

- Зачем, я и она?!

Поползли слухи о «толпе» её поклонников, что я якобы ничего не замечал. Ревность. Самолюбие, которое подливало масло в огонь: «Так легко доверился, а теперь вот докатился». Рассудок корил за это. Я ходил как больной. Прошло три дня.

В коридоре первого этажа меня встретила Анна-симпатичная, неулыбчивая девушка, близкая подруга моей Тани. После короткого разговора с ней не стоило труда узнать откуда вчерашнее: «Ревнуешь?». Так получилось, что я по своей запальчивости написал на спор стихотворение, которое посвятил Анне. И что таить она мне немного нравилась, но это было раньше. С Аней у нас установились ровные дружеские отношения, да и виделись мы с ней крайне редко.

Таня обо всём узнала, да и я особо ничего не скрывал, но меня не было, чтобы во всём разобраться, а кое-кто это разъяснил «по дружески».

«Таня просила тебя зайти», - сказала Анна.

«Обязательно, но мне нужно время», - ответил я и направился в свою комнату. Нервное перенапряжение сказалось на мне, я уснул.

Во снах есть что-то мистическое. Странное это состояние-сон.

***

Вдумайтесь, что для вас Бог. Мнений много. Одни верят, что он есть другие, наоборот, но, так или иначе, все в курсе его роли в своей жизни. Имя Бога – это центр, вокруг которого мы крутимся и верующие и атеисты, сосуществуем.

Аргумент верующих – есть сама вера в высшие силы. Атеисты же напротив отвергают ее существование. У каждого свои взгляды на жизнь, но каждый верит. Их формирование – вещь тонкая, которая зависит от множества нюансов. И потом, каждый живет, как он хочет, в силу возможностей и обстоятельств. Склонять чаши весов в чью-либо сторону не резонно. У человека можно отнять все, но моральная основа, на которой держится внутренний мир каждого из нас, останется. В любой, даже самой скверной ситуации мы надеемся, недаром говорят, что надежда умирает последней. Но для верующего понятие – смерть весьма условно. Тело, лишь оболочка, которая дана нам для действий, именно для действий, оправдывающих наше существование.

Голос смолк, глаза закрылись сами с собой, легкость в теле такая, что возможность полета казалась реальностью. Не зря существуем – подумал я. В воображении нарисовались недавно увиденные картины: пещера монахов – отшельников, старинная икона... При взгляде на лик святого образа проникаешься трепетным уважением.

... Проделав трудный и длинный путь по узкой, почти заросшей тропе, невольно начинаешь поддаваться ощущению усталости. Но даже одно мысленное напоминание самому себе о том, какой жизнью жили и живут святые люди и физическая усталость отступает.

Обряд погружения в святой источник не терпит суеты, требует от человека решительности и терпения. До последней минуты колеблешься, погружаться или нет. Но, когда, отбросишь все сомнения, то, ныряя в воды святого источника, закрыв глаза, видишь полную картину своей жизни. Выходя из купели, понимаешь, ради чего проделал столь долгий путь: ощущение все объемлющей лёгкости, пронизывающей теплоты, душевного подъема, а главное отсутствие

какой бы то ни было усталости. Тебя вдруг посещает особое видение жизни, хочется дарить, излучать доброту.

Я проснулся. Что это? Сон, реальность. Отголосок посещения святого источника, при мужском монастыре, возникшем на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков.

С последней мыслью я отправился в давно знакомом направлении. Дверь пустой палаты скрипнула, оглядевшись, я присел на двухъярусную кровать и застыл в ожидании. Через некоторое время лёгкой поступью, вошла она.

- Таня, я ... - прозвучал робкий тон оправдания.

- Не надо, молчи, - успокоил теплый всепрощающий голос, тонкий пальчик остановил мою речь ласковым прикосновением. Её рука медленно перебирала пальцы моей жилистой загрубевшей кисти.

- Уезжаю в три.

Нежная рука до боли сжала мою руку. Очень не хотелось, чтобы она меня отпустила.

Теперь я уже никогда не забуду часы, проведенные с Татьяной, нежных объятий, сжавших меня на прощание, как обещал писать. Но, всякий раз, сев за письменный стол, не знал, как начать повествование. Мысли в голове, крутятся вихрем, уносились прочь мимо меня. Передо мной напрочь перепачканный чернилами листок, но в нём только одно предложение:

«Ты даже не представляешь, как бы я хотел вновь тебя увидеть»!

***

Поезд «Нижний Новгород – Астрахань» медленно набирал ход. Нарастающий стук колес действовал как маятник гипнотизера. Разум угасал, словно карманный фонарик с плохими батарейками. Столь привычное великолепие холмистых лугов нежно прощалось со мной, заставляя думать о том, что ласкало душу в недавнем прошлом. Крутя в руках сотовый телефон, я понимал, что оставляю здесь часть своей юной души. Грустно.

Я вспомнил, что обещал прийти в соседний вагон к Алексу. Заходя в тамбур, я стал медленно передвигаться к двери напротив. Поезд летел на полном ходу, было не по себе, но я все же преодолел эти страшные пять коротких аккуратных шагов. Темной, бурлящей массой из глубин души начала подниматься ненависть к себе.

Я застал Алекса в обыкновенно задумчивом состоянии, его глаза были несколько холодны и пространны:

- Что случилось, - спросил он, несколько переменившись в лице.

- Да вот, корю себя за то, что не остался до назначенного срока.

Алекс посмотрел в окно. Багряное зарево заката малиново-красным пятном разлилось по небосводу, заставляя щурить взор. Зеленая трава смешивалась с вечерней густотой солнца.

- Смотри, как все необычно, напоминает химическую реакцию, но вскоре закат превратится во мрак, одевшись ночной пеленой...

- Время химической реакции под названием любовь никак не хочет отпускать меня, – сказал я с грустной улыбкой

- Бывает. Время тебе и поможет, но прежним ты уже не будешь.

Я пришел к себе в купе. Солнце уже почти скрылось оставив полумрак, холодом пробиравшийся в открытое окно, которое не удалось поднять. Кое-как, согрев себя под одеялом, я, наконец, уснул в тепле. Поздно ночью сонные глаза открылись от резкого звука станционного оповещения, послышалась ругань проводницы. Вот и я получил свой билет в реальность.

Где ты сейчас, с кем ты сейчас, желаю тебе большого женского счастья Татьяна, Таня, Танюша.

2007

Город.

Центральные улицы горда – тесная удушливая паутина, артерии, по которым струится нескончаемый поток пешеходов, автомобилей, оставляя за собой туман выхлопных газов. Это вечно живое царство безликой суеты. Все вокруг подвержено необъяснимому ритму. Загляни в глаза любого из прохожих - пелена насущных дум, и сразу почувствуешь этот хронометрический ритм: «Надо, надо, надо! Вперёд, вперёд, вперёд. Топ-топ». Посмотри на дорогу, послушай: «Шшшшшш, клац-клац». Оглянись, рядом живое метало - бетонное существо, высокоразвитый организм, гнетущий безликостью.

Ритм поначалу кажется решением всех проблем, четкость привлекает простотой. Но вскоре можно обнаружить, что этот самый ритм, захватив власть над сознанием, медленно губит моральную основу человека. Город забирает духовную свободу, делая людей рабами собственных потребностей, заменяет ее тем самым ритмом, который впоследствии становится смыслом и образом жизни.

Этот огромный отлаженный конвейер находится в состоянии метаболизма. У подножья серо-монолитных коробов стелется грязный разбитый асфальт. Глубокие борозды, уходящие вдаль по широкой улице, пересекают два перекрестка и упираются в тупик. Это

напоминание о бывших здесь трамвайных линиях, которые теперь демонтированы за ненадобностью кому-то. Дальше, за первым перекрестком, раскинулись старые деревянные бараки, окруженные сетью захламленных дворов. Оттуда, из особого мира дворовых лабиринтов в обеденные часы доносится запах жареной рыбы или свежевystиранного белья, можно услышать громогласный призыв к обеду, затем частый топот детских ног; все это исходило из неведомой глубины проходов и растворялось в оркестре клаксонов прилегающей дороги.

Утро. Палящее солнце еще не вступило на престол, но первые лучи уже окутали сонные окна. И жители уже начинали пробуждаться, что бы опять вступить в привычную колею забот. Предметом моих размышлений был замеченный ворон – неотъемлемый символ современных городских чертогов. Осанка, выправка, пронзительный взор маленьких внимательных глазок-бусинок, бархатная чернота оперенья – облик всех особо властных монархов. Эта самая чернота, по которой ворона можно отличить от вороны, в сочетании с нежно янтарным светом утренних лучей, превращалась в глянцевый фрак, придающий носителю грацию и черты магического коварства. Он вальяжно похаживал среди мусорных баков тупика, серых стен в стиле Underground, разглядывая пришедшую толпу.

Рыжий подросток, лет шестнадцати, стоял, переминаясь с ноги на ногу, его взгляд с жадностью пронзал дорожное полотно перекрестка. Вид юноши нарочито суров, но во всей фигуре ещё отражались детские черты. Чем больше он хотел казаться старшим, тем смешнее по детски оттопыривалась его верхняя губа. Пальцы, еще не знавшие грубой мужской работы, с ловкостью крутили тонкую золотистую цепочку. Послышался холодный звякающий звук – это был звук цепи, которая упав, ударилась об асфальт, неожиданно резко соскочив с пальца. Ворон, стоявший рядом, не спеша на виду у ошарашенного парнишки, подобрал интересный для него предмет и мистически растворился в полумраке дворового прохода. Золото подбавляет Королям.

2008.

Старый парк.

Утро было солнечным и погожим, мне предстояла поездка в СРЦ «Русь». Когда я сидел в маршрутном такси в предвкушении новых знакомств и событий, я не ошибался. Сойдя на остановке АЦКК, наш с мамой путь продолжился по узкой тропе, которая вела нас через старый заброшенный парк, где сейчас находится одно из зданий педуниверситета. Лучи солнца играли на этом здании и я спросил:

- А, правда, что здесь раньше был ДК?
- Да, и мы сюда ходили смотреть кино, а на Новый год здесь устраивали великолепные весёлые представления.

Солнце ослепило меня, из-за чего я перевёл свой взгляд с верхних этажей здания на первый этаж. Около входа красовались два грандиозных, но уже полуразбитых, заросших фонтана, я представил, как хороши они были, когда работали.

- Хорошие наверно были фонтаны? – спросил я маму.
- Ещё какие! Тот, который поближе, в нём купалась вся ребятня, когда родители не пускали на Волгу.

Мы пошли дальше, обходя огромные лужи, оставшееся после вчерашнего дождя и я, повернув голову налево, обратил внимание на памятник В.И.Ленину. Мама, увидев мою заинтересованность, продолжила свой рассказ.

- Около этого памятника, меня принимали в пионеры, только вот жалко ели засохли – досадовала она, показывая на деревья, что стояли вокруг.

Дальше мы шли, молча, я не знал, что спросить и окинул всё своим взором ещё раз. Сквозь запущенность прослеживались черты того зелёного благоустроенного парка, где могли отдохнуть простые люди. Об этом говорили не только фонтаны, не только памятник В.И.Ленину, а также множество тропинок, которые теперь приходили в запустение, и зарастали верблюжьей колючкой, сквозь которую пробивались неведомые нам, но красивые цветы – ещё один признак былой ухоженности.

Казалось, что время остановилось, но завтра всё вернётся на свои места и снова в тихой умиротворённой обстановке, сквозь журчание фонтана, и пение птиц, послышатся детские голоса, звук шагов удаляющихся дальше по дорожкам парка. Я лишь могу себе всё это представить. Я посмотрел на маму, глаза её были светлые и немного печальные, для неё это была живая страничка её жизни. На миг мне показалось, что стёрлись границы времени, и я увидел маму девочкой, точно такой как на фотографиях, хранящихся в семейном альбоме.

Мой край

Лето – пора отпусков и каникул, когда, наконец, можно забыть об учебниках или строгой обстановке рабочего кабинета и насладиться столь желанной свободой в тихом живописном уголке, любуясь великолепием родной природы.

Именно в те самые, еще нетронутые заповедные дали астраханской земли привела извилистая лента дорог. Солнце обрело силу. Зеленый ковер, лежащий вокруг вплоть до самого горизонта, был залит густым, желто-оранжевым светом, когда после столь долгого пути отворились ворота.

Получив краткий инструктаж, группа отправилась осматривать угоды охотхозяйства. Вначале экскурсии путь лежал к вольеру для разведения степных газелей или попросту – сайгаков. Гид рассказывал о проблемах, связанных с этим видом, главной из которых является отстрел особей. Рога этих животных широко используются в восточной медицине, мясо ценится среди гурманов.

Ветер играл молодой сочно-зеленой листвой. Сквозь разноголосые переливы птиц доносилось неясное бормотание, подобное тому, что может издавать человек в бреду, либо в глубоком сне. Это «речь» сайгаков. Подвид имеет строение очень схожее со своими собратьями. Особенна вытянутая форма его головы и горбатый нос внушительных размеров, что придает животному несколько угрюмый, но между тем забавный вид. Так состоялось первое знакомство.

Через некоторое время нам представилась возможность поудить рыбу на тихой пристани охотхозяйства, чему все глубоко обрадовались, ведь, как известно ловля рыбы для жителей Астрахани – особый ритуал. Время за этим занятием прошло безмятежно. Нас на столько увлек процесс ловли, что казалось умиротворенной обстановкой, созданной самой матерью природой, тихими заводями астраханских рек. Покидать столь интересное место не хотелось. Но впереди нас ждала кульминация радушного приема хозяев – прогулка на лодке по волжским просторам прикаспия. Когда корма лодки разрезала сине-голубую рябь воды, нам улыбнулась несказанная удача: удалось увидеть, как перед непреступными стенами камыша величественно и гордо держит осанку красавица – кувшинка белой лилии, отливаясь золотом в полуденных лучах, белые крылья дикого лебедя, грациозно взлетевшего в небесную высь.

Меня охватил восторг, который нельзя выразить словами, наверное это мог отобразить великий художник. Сердце билось где-то у самого горла, хотелось кричать и петь одновременно –это моя Родина.

Конец августа - жаркие дни ускользающего лета. Когда солнце щедро дарит возможность насладиться осколками летней поры. И вот уже в который раз мы пользуемся дарами астраханского солнца.

Чуть больше получаса и автобус уже стоял у ворот загородной базы «Парус». Что бы освежиться после дороги, дружно отправились нырять с понтона. Взбодрившись в волжских водах, позавтракав, (многие из нас встали очень рано) принялись обдумывать девизы, готовиться к предстоящим «Веселым стартам».

Игры подвижные или настольные – неотъемлемая часть досуга, без них летний отдых скучен.

С первых минут пребывания на базе стало ясно, все настроены на активный отдых. Прекрасная летняя погода, никому не хотелось сидеть в номерах. Поэтому, вскоре, снова перешли к водным процедурам, на специально отведенном пляже, куда отправились на лодках.

Нырять с понтона в глубокие воды, прямо скажем, не каждому под силу, зато на пляже с пологим и гладким дном купались без исключения все. Здесь прошла первая часть соревнования «Веселые старты» - водное поло.

Послеобеденное время было потрачено на прогулки и общение в узком кругу.

Окрестности базы отличаются красотой, я, подобно снайперу ждал, что бы сделать хорошую фотографию. Ведь лучше один раз увидеть, ни один писатель не выразит всей широты и красоты просторов природы, чем она сама.

Тем временем незаметно наступила пора соревнований, это возможность проявить себя. Удовлетворение и приятная усталость на лицах участников говорили сами за себя. Но сил у меня было не занимать, и я отправился наблюдать закат.

Необыкновенно красивое зрелище, когда день уже почти скрылся, оставив за собой ровную малиново-красную полосу заката, провожаемого ночным пением сверчков. Расстроенный отсутствием объектива знакомыми тропами вышел к ночному костру. Звучали гитарные аккорды от детских песен и до Высоцкого, читали стихи, делились впечатлениями, поддерживая ветры романтики, благодаря которым все разошлись далеко за полночь.

Встреча. **(Двое)**

День был пасмурный, поэтому всё вокруг казалось серым. Пышный траурный венок убрали из парка и мраморные люди остались в одиночестве. А потом пошёл дождь. Все намокли. Николай Веретенников спешил покинуть парк. Белый солдат стоял на коленях, обнажив торс, позади, скорбно склонив голову, стояла женщина в строгом одеянии. У подножия пьедестала лежали три синих розы. Дождь шумно поливал город.

Веретенников перешёл дорогу. Густая влажная пелена окутала людей ожидающих маршрутку. Подошёл маршрут, увлекаемый толпой Веретенников медленно подался вперёд. Перед ним кто-то споткнулся, видимо соскользнул с подножки. Николай аккуратно поддержал пассажира, и войдя, опустил на крайнее сидение одновременно задвигая дверь. Микроавтобус тронулся, рассекая дождевые потоки.

Пассажиры были заняты сбором денег за проезд. Неожиданно рядом с Веретенниковым прозвучал тихий девичий голос:

– Ты сильный.

В ответ Коля «хмыкнул» что – то непонятное.

По окнам стучали частые капли дождя, они быстро исчезали соединяясь и превращаясь в водяные струи. Веретенников долго смотрел перед собой.

Собранные деньги пассажиры дали Коле, он привычным движением передал их водителю. В этот момент на его пальцах чётко просматривалось «тату» - 1993. На лице Николая проступила досада, он вновь спрятал кисть руки за обшлагом рукава.

Через две остановки он ловко открыл дверь и соскочил с подножки. Собираясь закрыть дверь, но услышал всё тот же голос.

– Молодой человек, вы забыли телефон. Рука застыла на дверце маршрутки. Он резко повернулся и почему то сердито посмотрел на говорившую. Девушка собиралась выходить, в её протянутой руке был его телефон.

Она робко вложила мобильный в руку.

– У Вас очень холодные руки, – смутившись, проговорил он, помогая девушке сойти. Некоторое время они шли вместе. Веретенников чувствовал в своей руке маленькую замёрзшую ладошку, ему почему то захотелось её согреть. Он развернулся к девушке, подняв её руку, отчего её ладошка совсем «спряталась» в его ладони.

– Коля, – виновато сказал он.

– Оля, – ответила она, чуть заметно улыбнувшись.

Дождь продолжался, в его потоках туманно проглядывали две фигуры на пустынной улице.

Сны сбываются

Солнце уменьшало утренние тени, делая их светло-серыми, выцветшими. Через улицу в фонтане городского парка плескалась детвора. Голуби чистили перья в лужах на асфальте. Народ мирно беседовал, кое-кто подкармливал сизарей. Счастливые студентки, шедшие из консерватории, ели мороженное. Так начинался летний день, в то время как Савченко сидел на ступеньке лестничного пролёта в здании университета. Студенты его почтительно обходили, кто-то пожимал руку. Это был без пяти минут выпускник. Университет жил своей жизнью- консультации, лекции. У Андрея был английский. Монотонный голос преподавателя усыплял. В дремотном тумане привиделась черноволосая красавица в летнем сарафанчике.

-Андрей, проснитесь и расскажите нам о структуре сложного дополнения в английском языке.

Чудное ведение растаяло, как снежинка на ладони.

-Что рассказывать... два глагола, соединённые «ту», - раздосадовано ответил Савченко.

А конкретный пример?

-Но ведь без него можно обойтись...

-Как и без Вас на моих лекциях. Вечные МХАТовские паузы. На сегодня можете быть свободны.

Наедине со своими мыслями Савченко спустился по лестнице и выбежал из корпуса. Пахло мокрой травой, дизельным топливом и старой извёсткой. Дворник- дочерна загорелая женщина в платке, аккуратно подметала тротуар.

-Андрей, ты рано сегодня.

-А... Что там, всё знать нельзя, половины знать не обязательно, – приветливо сказал он.

Солнце беспечно улыбалось над головами прохожих, и где-то совсем далеко играла танцевальная музыка.

Товарищ, проверенный временем, жил в паре кварталов от парка. Андрей шёл в надежде застать его дома. Через сорок минут Савченко Андрей звонил в дверь своего друга - Володи Егорова.

Владимир был старше Андрея. После окончания юридического факультета, работал секретарём в агентстве по делам молодёжи.

– Есть хочешь? – Поинтересовался Егоров.

Он участливо суетился, сбрасывая остатки сна. Было что-то около девяти. Андрей извинился, за неожиданный визит.

«Ерунда», – ответил Владимир, – «Я со вчерашнего дня в отпуске». Он поставил сковороду на стол, взглянул на Савченко и быстро застегнул пуговицы гавайской рубашки. Владимир всегда завтракал- на скорую

руку жарил омлет, пил кофе со сдобной булкой, которой запасался вечером накануне. Савченко есть утром не успевал и всегда возил с собой шоколадку, иногда по рассеянности или в лекционной суете забывая о ней.

Владимир говорил о работе, о спорах с начальством, смеясь, вспоминал казусы, весело, свежо и простодушно шутил.

Немного поговорили о писателях. Если бы кто-то из сокурсников слышал Андрея он не поверил бы, что замкнутый и малообщительный Андрей может так плавно и складно вести беседу. Он душевно, с уважением рассказывал о любимых писателях, об их произведениях. Так душевно он мог говорить только с другом, избегая подобных бесед со сокурсниками из-за их циничного налёта и апломба или заумного академизма.

Через три часа Егоров и Савченко обнявшись расстались.

К двенадцати Солнце поднялось высоко. Савченко миновал вереницу старых деревянных домов, сиротливо жавшихся через дорогу от новой многоэтажки. На перекрёстке у светофора он сходу заскочил в «четвёрку», сев чутко задремал.

Усталость снимает всё лишнее, делая тебя настоящим. Он вспоминал Егорова – оптимиста и житейски весёлого человека. Хорошо уметь быть таким всегда. Савченко сошёл на остановку раньше решив прогнать напавшую хандру. Его внимание отвлёк отчаянный голос девушки. Он заметил парня, чуть по младше него, пристающим к девушке. Редкие прохожие проходили мимо. Но это было не в характере Андрея. Он хорошо помнил и знал таких людей. Подойдя к парнишке он встал напротив него, загородив девушку.

– Нет у неё сигарет, – просто обронил Андрей, будто старому знакомому.

Парень взъерепенился, но посмотрев на Савченко успокоился. Его взгляд был несколько удивлённым, он привык к безразличию прохожих и впервые с уважением подумал о человеке напротив.

– Сам курить будешь? – спросил незнакомец.

– Курил когда-то... и ты бросай. Всё получится.

Они разошлись.

Андрей взглянул на девушку и чувство лёгкой меланхолии отступило. Это была она, та самая из утреннего лекционного сна. В простеньком летнем платьице, стройная, загорелая с широко открытыми доверчиво детскими глазами.

Иногда, прикосновение к человеку, может вызвать чувство смутения и почти что мистическую оторопь, которая будет звучать во фразе, не значащей ничего, но подразумевающей слишком много. Особенно в

устах девушки, бывшей, пусть мгновение, идеальным божеством. Сейчас он об этом вспомнил, отвечая ей через паузу, с весёлой благодушной небрежностью, под которой всегда скрывал сожаление. Он подумал о тех, кому предстоит касаться её смуглой бархатной кожи с требовательностью куда большей... Он почти ненавидел их, потому что знал- это когда-то случится.

2016

Встречи

Трудно сказать, почему она отказалась принять меня тогда – Ксения Владимировна из квартиры на улице Тургенева пять. Впрочем, как сказал один, один мой старинный приятель: «Наступает эпоха житейской мудрости, скрытой под маской софизма».

Плохи шутки с астраханским солнцем в июле. Утром дышать уже трудно, в полдень и часа не простоять: воздух сухой, огненно рыжий, повсюду стойкий запах гудрона и пыли. Прохладная тень – предел желаний, далёкая несбыточная мечта. Но всё это: душное утро, адский полдень, беспредельная жажда – всё это уходит на второй план, после нажатия кнопки громкой связи на двери подъезда. Станет вдруг мучительно больно, (годы винить рано, а может и нельзя), за чувство робкой покорности в той слишком опрятной гостиной. Огромная библиотека, глянцевого переплёты...

Меня встречает Ксения и моложавая величественная дама, оказавшаяся мамой Ксении.

- Извините, а кто это?

- Это мой дедушка. Погиб в Великую Отечественную.

Молодой паренёк несколько сердито, смотрит с портрета, мне почудилось в этом взгляде какая-то укоризна. А наша Ксения Владимировна лишь изредка бросает ему опасливый взгляд и после замолкает.

- Дед остался единственным, кто меня понимал в той обкомовской квартире. Так или иначе он знал, чем всё это кончится.

После этой тирады хозяйка апартаментов обрела прежнее величественное спокойствие. Всё остальное высказывалось в повышенном несколько брезгливом тоне.

- Не топчите здесь!.. У Вас очень резкие духи!.. Ксения, следующий раз вы будете заниматься в другой комнате!..

На ум пришло что-то из Олега Григорьева:

«Встаньте с этого дивана,

А не то там будет яма.

Не ходите по ковру,
Вы протрёте в нём дыру».

Для меня это было «слишком», и я вежливо съехидничал:

- А вы детские стихи любите?

— А при чём здесь это? — мама смотрит настороженно. Несколько напряжённая улыбка на её лице была не под стать. Мать сверлит меня взглядом и вдруг, что-то громко падает на кухне. Шах и мат.

***

Едва начавшись, походы к репетитору оборвались безвозвратно. Дома в пакете оставались КИМы и несколько книг по английской грамматике. Нужен был хотя бы простенький словарь. Я решил отправиться на Нижневолжскую улицу, к одному из новых знакомых — Алексею Андреевичу Шахнову. Дача его находилась на окраине посёлка. Дом благородного белого цвета, обнесённый двойным забором. Штакетник скрывал от глаз второй добротный, каменно-железный забор. Летний день был удушающе жарким. К обеду налетел суховей. Солнце стояло высоко. Ветер мёл клубы пыли. По широкой грунтовой дороге перекатывалась оранжевая позёмка пересохшего суглинка.

Алексей Андреевич оказался дома. Белый чайник медленно закипал. Жёлтые стены ловили тень от занавеси. Хозяин внимательно выслушал, подумал и подарил два старых разговорника.

- Будет необходимо, привезу из города более полные.

- Нет, спасибо, не удобно Вас затруднять.

- Брось, вот ещё... Ты приходи, у меня скоро День Рождения.

И заранее пресекая моё возражение, быстро произнёс:

- Знаю, знаю, что скажешь. Я тебя приглашаю и уверен мы договорились.

Это было сказано таким добродушным тоном, что мне пришлось согласиться.

Через три дня состоялось семейное торжество со множеством гостей. Пока в доме царила суматоха, оставалось только сидеть в тени под навесом, подвергаясь допросу пышной дамы с тростью, дальней родственницы хозяина.

- А вы не пробовали ходить с тростью? — наставительно расслабленным тоном спросила она после формального знакомства.

- Нельзя.

- Почему?

- Так необходимо,- ответил я, простодушно улыбаясь.

Потом начались вопросы, задаваемые строгим, нарастающим инспекторским тоном. Череду их была долгой. Удалось узнать почти

всё. Однако, женщина всё ещё надеялась получить главный ответ. Но разговор исчерпался, она демонстративно отвернулась. В это время во двор вышла молодая пара. Хозяин дома, находящийся в этот момент рядом, познакомил нас. Оба были одеты просто, повседневно - в майки и шорты. У молодого человека была очень короткая стрижка, он был худощав, подтянут. У девушки был искристый взгляд, именно искристый, в её глазах чуть прищуренных от солнца проскальзывали яркие искорки. От природы девушка была наделена красивыми, тёмно-русыми волосами, которые свободно спускались чуть ниже плеч. Парень энергично пожал мою руку.

– Поступаешь – это хорошо... Я на третьем курсе уже, – после короткой паузы проговорил он, в то время как девушка слегка погладила его по голове и на мгновение удостоила меня своим искристым взглядом, к которому примешивалось чувство превосходства и надменной брезгливости.

– Праздновать победу мне пока рано, – посмотрев на них, спокойно ответил я.

Она всё поняла, кольнула взглядом. Я выдержал его, лишь на мгновение чуть наклонил голову и прищурился. Девушка поспешно увела юношу под каким-то якобы важным предлогом.

Все сели за обеденный стол. После череды вычурных и пышных поздравлений, когда все гости молча ели борщ, девушка и хозяйка затеяли забавную для них игру. Молодая особа обиняком задавала вопросы, исподволь заставляя отвечать на них жену Шахнова, а та, в свою очередь под этим предлогом третировала меня как могла. Алексей Андреевич несколько раз вступался и лишь умоляюще смотрел на женщин. Я смиренно доедал борщ, когда первый холодок пробежал вдоль позвоночника. Остались минуты – боль тяжёлой гирей ударит в основание позвоночника и быстро завладеет спиной. Блицкриг можно предотвратить, если подняться в данную секунду, сразу после первого сигнала, но увы... обстоятельства. Интересно, как будет на этот раз? Потеряет ли матово-розовая гостиния свои очертания?

Наверное я резко побледнел, как будто где-то из далека я услышал изменившийся встревоженный девичий голос:

– Что с Вами?

– Ничего,- еле ворочая языком, тихо ответил я. Мне казалось, что это сказал кто-то другой.

Посидев несколько минут, вежливо и робко простившись с хозяевами и гостями я встал из-за стола. Хозяин отрядил в проводники того самого студента третьекурсника. Оказалось его звали Иваном.

У калитки Иван предложил подвести меня, но во первых при всём моём состоянии у меня не было такого желания. А во вторых день рискует

быть испорчен, если в добавок сесть в мягкое кресло дорогого автомобиля. Боль весь день останется колючей, огненно-красной и всё что приходится применять против злодейского, ржавого гвоздя в спине принесёт лишь минутное облегчение. Длительный пеший переход всё-таки лучше: хотя в начале каждое движение отзывается мощным ударом, боль расходится кругами и с каждым новым толчком привыкаешь. Так я медленно раскачиваясь вышел на встречу Солнцу, забирая из этого дома собственную боль в спине, чужую тарелку борща в желудке и ещё один урок, который мне преподала жизнь.

2015

Подлость

Евгений Порохов выбрался на берег. Он рухнул на песок, прогретый июльским солнцем, и почти потерял сознание. Солнечный свет слабо проникал сквозь закрытые веки.

Два часа назад Евгений Порохов сидел на загородной пристани, ждал «Москву». В джинсах ловко облегающих его ноги и в белой рубашке, оттеняющей его загорелое тело, Евгений смотрелся эффектно. Сейчас он обессиленный лежал на отмели, в тяжёлых от воды, облипших джинсах, на рубашке не хватало трех пуговиц, правый рукав порван. Теплый ветер проникал сквозь мокрую одежду. Порывы ветра – единственное, что чувствовал Порохов, боль и усталость пришли позже. Ветер убаюкивал, осыпая мокрые черные волосы, поднявшимся с пляжа песком. Спать нельзя, придёт патруль, заберут на трое суток, до выяснения обстоятельств. Евгений медленно поднялся, присел на корточки, продолжая понемногу приходить в себя, стянул рубашку, солнце испарило капли на его смуглых плечах. Взяв туфли в правую руку, медленно, пошатываясь он пошёл по пляжу.

Горячий, золотой от солнечных лучей песок, отдавал босым ногам желанное тепло, медленно расходящееся по телу. Дорогу с пляжа Евгений знал плохо, он просто двигался. От слабости по его лицу блуждала лёгкая улыбка, всё, что было вокруг казалось далёкой декорацией. На какое-то мгновение он вернулся в реальность и увидел себя со стороны. Этого хватило, чтоб в его голове, чётко как на яву, прозвучал ехидно торжествующий, голос Сашеньки- «дружка»: «Где же твой знаменитый, всегда обязательный Порохов». Эта тирада была обращена стройной, весьма привлекательной девушке по имени Лена, с которой Евгения свёл случай.

Летний вечер больше походил на день, настолько он был светлым. Небо потеряв свою яркую голубизну стало красновато розовым. Как обычно Порохов, через парк, возвращался с тренировки по ушу. На центральной аллее стояла совершенно растерявшаяся девушка. Порохов подошел к ней и просто спросил, чем можно помочь. Девушка посмотрела на Евгения вопрошающе-пытливым взглядом, желая угадать намерения молодого человека. Глаза у неё были ясные, под стать ушедшей небесной лазури, круглое лицо обрамляли пушистые каштановые локоны, её стройную фигурку облегалo простенькое приталенное платье под цвет глаз. В ней небыло ничего броского, но достаточно было обратить на неё внимание только раз, что бы понять, что это та самая-единственная. Порохов смутился. Девушка почувствовав искренность открыто улыбнулась. От этой улыбки у Евгения участился пульс, досадуя на себя, за якобы проявленную слабость, он переспросил, что же случилось.

- Каблук сломался, - грустно сказала она.

Его забавляло, как она пыталась идти по парку босиком, он поднял девушку на руки, донес до остановки и вместе они поехали на Заячий остров. Домой Порохов возвратился поздно. Так они познакомились. Они стали часто созваниваться, встречались реже.

Порохову двадцать, он закончил технический колледж и работает помощником мастера по наладке оборудования на заводе резиновой обуви.

Лена это знала. Знала, что в семье у Жени тяжело. Работал он много, брался за всё, не раз Лена замечала, как он засыпает в маршрутке. Но во время их редких свиданий молодой человек преображался.

- Интересный Женька, - говорила Лена подругам, - пришли в музей «Боевой Славы», в залах никого, экскурсовода тоже нет, он сам мне все рассказывает. Так нет, видит, скучно, повел меня в зал, где пушка стоит, стулья отставил от нее и давай крутить, команды выкрикивать.

Когда же он появился, этот филолог, любитель итальянской литературы Александр Завадский. Как-то Евгений зашёл в общежитие, к своему давнему другу и попал на вечеринку, именно тогда они и познакомились, не проявив особого интереса друг к другу. Но с некоторых пор Завадский просто –таки набивался в друзья к Порохову. Странно было их видеть вместе. Один статный, спортивный, прямолинейный, немногословный, готовый прийти на помощь в трудную минуту, про таких говорят- «человек со стержнем». Другой нескладный, с несформированной подростковой фигуркой, с прилизанными лаково-чёрными волосами, с серьгой в ухе и приторно проникновенным взглядом. Своей кажущейся свободной речью он мог увлечь не искушённого собеседника, не имевшего представления о её

психологической продуманности, как говорят в народе он был «себе на уме» «с подвешенным языком».

Проявление дружеских чувств появилось после того, как Завадский встретил Порохова прогуливающегося вместе с Леной. Другим и им самим было понятно, что связывает их Лена. Как преобразился Сашенька увидев её. Его красноречие просто фонтанировало, он старался развлечь девушку, осторожно подбирая интересные её темы, показывая свои знания и интеллигентность.

В этот раз, ожидая речной трамвайчик, Порохов не заметил на причале Александра. Но он был там, и в негустой толпе пассажиров прошёл на посадку. Это была кульминация, так называемой их дружбы. Завадский знал о важности предстоящей встречи Евгения и Лены. Привыкнув манипулировать чувствами людей, он любой ценой решил заполнить эту «игрушку», показав своё превосходство.

Когда они встретились, Евгений стоял у борта с лёгким низким леером. Он смотрел на густую словно масло, зелёную воду реки, солнечные лучи пробивая толщу воды высвечивали сорванные нити водорослей, которые причудливо колышась плыли по течению. Завадский якобы радостно удивлённый встречей как будто дружески толкнул Порохова в плечо, на самом деле вложив в этот толчок все свои силы. Евгений упал за борт. Завадский посмотрел по сторонам, свидетелей вроде не было.

Порохов брёл по песку, перед его мысленным взором возникали картины происходящего на набережной, где они должны были встретиться с Леной. Но сейчас его там нет, зато появится Завадский. После первой тирады Завадского, девушка посмотрела на него с некоторым удивлением. Приняв это во внимание Александр переменял тон, он стал участливым, объясняя вероятную причину отсутствия Евгения. Завадский увлёк девушку обаянием своей речи, он говорил так искренне, просто, проникновенно. Но всё же в голосе Завадского, Лена улавливала некоторое волнение, которое по своей наивности отнесла на свой счёт. Это её умилило. Во всей его нескладности детскости было что-то трогательное.

Волнение в речи Александра было вызвано тревогой, - что Женька быстро справится с ситуацией и помешает ему, поэтому он быстро уводит девушку с причала. А что она? Ей так легко с Александром, как будто они знали друг друга всю жизнь. Саша, как теперь она называла его, сидел рядом. Им хорошо вдвоем разговаривать обо всем и не о чем одновременно.

Солнце зашло, река покрылась мелкой рябью от вечернего ветерка. На набережной зажглись фонари, свет их длинной белой цепью уходил, куда-то далеко-далеко, вдоль почерневшей ночной Волги. Всю дорогу

домой, он обнимал ее, бережно согревая своим телом, чувствуя ее дрожь. Последняя мысль огорчала Евгения больше всего.

Так все и было, только позже, сейчас еще день. Июльское солнце высоко в небе, над мостами и крышами домов. Крутая и гладкая тропа привела Порохова в один из городских, незнакомых дворов. Он шел наугад, пересек пустой двор, юркнул в проход между домами и очутился на обочине. Одев более или менее высохшие туфли, уже уверенным шагом Евгений пошел к остановке. Там он обнаружил, к своему великому счастью, телефон-автомат и, набрал 108, заказал звонок. Хорошо, что хоть кто-то из друзей был в тот день дома.

За окном автомобиля старые, вычурные особняки сменились грязными кварталами городских окраин, пустыми ветхими заводскими корпусами. Едешь на скорости, и будто нет этого всего. Нет грязных обочин, нет Завадского, этого подлого человека. Есть только девушка, обманутая, заплаканная с опустошённой душой, погасшими глазами на бледном лице. Та, которая так много могла дать любимому человеку, оказалась игрушкой, простушкой, на которой Завадский, бросивший её на четвёртый день, проверял свой опыт или это была зависть к маленькому человеческому счастью, которого он не мог понять, потому, что не чувствовал его.

Порохов наконец-то вернулся домой, автоматически принял душ, починил кран на кухне, с трудом осознавая, что это всё случилось с ним. Но зачем? На следующий день нескладного человека увезет красная полу ржавая «четверка». Сорок километров среди старых заброшенных пастбищ и разбитое лицо, чем не повод задуматься, хотя кто его знает?

2010 -2012 г.г.

Забутые листки

Восточная сказка

Ночь легла тёмно-угольной маской
На простёртые русла дорог.
Вновь твои земляничные сказки,
Угодили мы в розовый смог.

Отрешённо блуждаешь по свету,
В мишуре сладко-ягодных снов.
Мир за окнами – книга запретов,
Из отвергнутых красок и слов.

За стеклом мирно спят минареты,
Сняли якорь ушедшего дня.
И пророк приходящего лета,
Словно просит у неба огня.

Время

Ночь. Окна слышат чужие шаги,
Ветер капли швыряет в лицо.
Хватит, поздняя осень не лги,
Днём скрываясь под солнечным пледом.

Завтра снег будет биться в стекло,
До свидания солнечный зайчик.
Время тонкой иглою прошло,
Обманув, что могло быть иначе.

Жизнь в обойме

Цезарь доверчив к улыбкам чужим,
Жаль то, что был. Стреляйте!
Ваши часы уйдут, словно дым,
Знаю и вы знаете!

Уже уложен девятый патрон,

Сказано веское слово.
Сейчас сон и только он,
Завтра воскресну снова.

Будете вы на курки нажимать,
Ход мыслей и действий ясен.
Тот, кому нечего больше терять,
В жизни вдвойне опасен!

Прощание

Ты мелькнула яркой искрой,
Заставляя забыть серость будней.
Без прологов скучных и длинных просто – прости меня.
Догорает в золе камина,
Обречённое слово: «Уйду».
Улечу с прошлогодней листвой,
Сквозь объятия серебряной ночи.
В жизнь кварталов и серых обочин.

Кольца дыма

Поднимались плавно кольца дыма,
Казался потолок седым.
Говорил, что жизнь неповторима,
И остался вечно молодым.

Видно время слишком поглупело,
И в конец испортилась мораль.
Всё, что было чёрным стало белым,
Или просто спала с глаз вуаль.

Раздался вскоре крик истошный,
Отозвавшись эхом в далеке.
Гаснуть в девятнадцать очень сложно,
Уходя из жизни в пустоте.

Перемены

Шалавам не дарят цветов,
На улицу выбрось букеты.
Пылятся на полке кресты,
Открыты для них все запреты.

Нет больше надежд, сострадания,
Оно ли советчик тебе?
Они таковы по призванию,
Девиз – «Без царя в голове».

Напрасно мы пели романсы,
О чуткой и нежной любви.
Вскоре появятся шансы,
Слова поменять на рубли.

Один

Прошёлся строго по небу Один,
Не нужен предлог, он сам себе волен.
В грозу намокшие крылья птиц,
От нас скрывают чужие лица.

Лишь одно у бога око,
Но смотрит смело и очень строго.
Вдруг осветило небо вспышкой,
И разыгралась шальная сила.

Стало понятно, кто за, кто против,
Мне чётко видно дома напротив.
Толпа гласит, что бог поспешен,
Но лучше Один, чем старый Леший.

В остатке

Шагая сквозь цепи слащавых фраз,
Споря с собой, разрываясь в крик.
Кто-то всегда был против нас,
Кто-то всегда был против них.

Ночью неонem вспыхнувший блик -
Всё, что осталось кварталам рабочих,
От обещаний кумиров и прочих.
По шрамам асфальта, с утра в магазин
За хлебом, икрой баклажанной и водкой,
Икру уважаю за принцип один,
Что на рисунке –то в упаковке.

Гипотезы

Одеваясь под кварцевой лампой,
Всякий раз слышал, сто ослепну.
Нам тогда уже ставили штампы,
Что были глупы и нелепы.

Встали мы недоспавши полчаса,
Пусть так, с нас не убудет.
А январское утро озябшее,
Сквозь дырявые рамы разбудит.

Но тогда уже, среди серых стен,
Вдруг поверив во что-тo иное,
Доказали мы глупость гипотезы,
Той, что кварц убивает живое.

Есенин

Был такой поэт Сергей Есенин,
Говорят, теперь поставлен в бронзе.
Интересно, сколько написал он,
Ярких строк обращённых берёзе.

Яблоком катящимся по сцене жизни,
Дни бесцеремонно пролетают.
Строки пусть останутся нетленны,
Остальное, словно белый дым растает.

Слова

Нужны ли Вам плеяды громких слов,
И страсть речей, для упоенья слуха.
Когда слова имеют смысл,
Но не имеют за собой долгов.

Расхожий комплемент- капкан, для женщин милый,
Позволит их умами обладать.
Но время переменит эти силы,
Не мне сомненью это подвергать.

Как прошлогодний снег они тускнеют,
Не оставляя за собой следов.
И кто тогда ответ держать сумеет,
Была ли здесь волшебница-любовь.